

Легкий привкус житейской мудрости

Мария ХАЛИЗЕВА

ризенно белое пространство порой угрожающе рассекают черные и красные щели, из ниоткуда тянутся алые нити, высвечиваются невидимые до того оконные проемы, из подвижных боковых плоскостей выезжают черные трапы, навесы, балкончики. Все предельно лаконично и, как всегда у этого режиссера, безупречно геометрически выверено. Белоснежный задник плавно меняет немыслимые по красоте, одному только Уилсону подвластные цвета и оттенки, медленно перетекающие из одного в другой. "Достаточно увидеть один мой спектакль, даже пять минут из него, чтобы понять мой стиль. <...> Я никогда не пытаюсь ничего интерпретировать. <...> Я даю зрителю лишь акустический и визуальный материал для самостоятельной работы его собственных эмоций", — утверждает режиссер.

Связующая нить между баснями, избранными для спектакля, сам Жан Лафонтен, предстающий в роли покровителя, советчика и руководителя разнообразных обитателей сцены: лягушек защитного окраса, талдычащих вместо традиционного "ква-ква" раскати-стое "рэ-а", красногобого лиса в малиновых перчатках, ветвисторогого оленя с газетой

"Le Monde" в руках, степенно-го тигра в отглаженной манишке, а также чванливого петуха, вертлявого мышонка, ушлого кота и глуповатой обезьяны. Все они неизменно лебезят перед царем зверей — львом, огромная маска-морда которого скрывает исполнителя почти до пояса, делая фигуру непропорциональной, а его грозное величие искусственным и смехотворным.

Лафонтен Уилсона, да и сам Уилсон равно далеки от назидания, хотя на долю первого по воле второго и выпадает озвучивание изрядной части морализаторских финалов басен. В самих же сценических иллюстрациях каждой басни намеренно нет ничего являющегося усложненным и нравоучительного. Простота спектакля, однако, чужда примитивности, а его красота далека от самодостаточности.

На авансцене резвится мышонек (Жюли Сикар) в матросском костюмчике (басня "Петух, кот и мышонки"), нахально ржет над мышью-монашкой, примостившейся в углу с вязальными спицами, пинает клубок ниток, как футбольный мяч, и повествует о своих похождениях: о том, что встретилось за пределами их тускло освещенной норы. В белой квадратной рамке окна на заднике тем временем

вальяжно прохаживаются кот (Одри Бонне) и петух (Жерар Жирудон) — новые знакомцы мышонка. От кота он в восторге, от петуха — в ужасе: "Один так смирен, добр, так плавно выступал, / Так мило-виден был собою! / Другой: нахал, крикун, теперь лишь будто с бою; / Весь в перьях; у него косматый крюком хвост, / Над самым лбом дрожит нарост / Какой-то огненного цвета..." После взвинченных нотаций взрослой мыши, разъяснений, кто есть кто, и закономерного вывода: "Вперед по виду ты не делай заключение", — хулиганистый мышонек разочарованно изрекает сегоднешнее молодежное: "Упс!..." и растворяется вместе с прочими в темноте.

Знаменитые "Стрекоза и муравей", увековеченные вслед Лафонтену Иваном Андреевичем Крыловым, русского зрителя крайне бы озадачили. Дело в том, что муравей во французском языке — существительное женского рода, так что столкновение легкомысленной стрекозы (Флоран Вила) и не разгибающейся от трудов муравьи (эдакой гримзы-карьеристки в исполнении Мадлен Марион) вырисовывается как исключительно женская склока. За рассказчика здесь выступает недалекий и прямолинейный ка-

бан. В итоге, после бурной полемики между дамами, стрекозка в изумрудного цвета газетном платье остается коченеть под завываниями выюги — на ветру во все стороны беспомощно разлетаются блестяшки, а красное зияние на заднике символизирует ее неотвратимую гибель.

Не менее прославленная басня "Ворона и лисица" решена постановщиком предельно незатейливо. На выехавшую из правой стены узкую черную полочку взгромоздилась мрачно нахохлившаяся ворона (Селин Самье); кружок камамбера грамм в 250 зажат у нее в зубах. Внизу вьется лисица (Кристиан Гоно) в красных перчатках, исполняя несколько па не слишком замысловатого лисьего танца, и елеинным голосом мурлычет хрестоматийный текст. Спустя несколько мгновений, когда сыр из пасти вороны переключивается в красные лапки хищницы, прозревшей птице остается лишь тупо гаркнуть во все воронье горло отчаянное: "Jamais!", что в переводе на русский язык означает: "Никогда!"

После каждой в меру поучительной лафонтеновской истории освещение на сцене меркнет, зрительный зал Комеди Франсез, состоящий отнюдь не из подростково-школьников, а из вполне respectable публики, взрывается овациями и чуть ли не топотом ног, а вновь озаренное ярким прожекторным светом стерильное пространство спектакля впускает очередных персонажей и обретает дополнительные детали: новые геометрические фигуры и линии. Нередко слышатся звуки клавесина, а в ткань действия порой вплетаются фрагменты театра теней. Режиссер нигде не настаивает на обобщениях, но именно вид замерших на заднике темных людских силуэтов, в масках, с ослиными ушами, с оленьими рогами, с крылышками и без, переводит происходящее в человеческий план, заставляет вспомнить, что даже самонадеянный дуб и гибкая тростинка (она же камыш или ива — изогнувшаяся на пьедестале девушка, у которой вместо пальцев колыхаются пучки веток) вели между собой беседу на человеческом наречии. Кто-то — например, раздувающаяся и лопающаяся от спеси лягушка напомнит мультяшного персонажа, другой обитатель животного мира, скажем, беляночка-овечка, зажатая в когтях волка, заранее демонстрирующего алый от крови язык, покажется хрупкой куклой Коломбиной. Зверям Лафонтена-Уилсона предстоит пройти и через влюбленность, и через суд, и через мор, и через похороны.

В финале же принарядившийся и приободрившийся Лафонтен устроит своим героям грандиозный бал. Вперед выдвинется белый портал с колоннами, в проемах возникнут звери с кубками вина, и пространство захлестнут музыка, стрекот, лай, бляенье, возбужденные голоса, смех, развевающиеся вечерние наряды и танцующие пары. Все как у людей: жизнь продолжается.

● Сцена из спектакля "Басни Лафонтена" театра Комеди Франсез

Жюли и Сикар